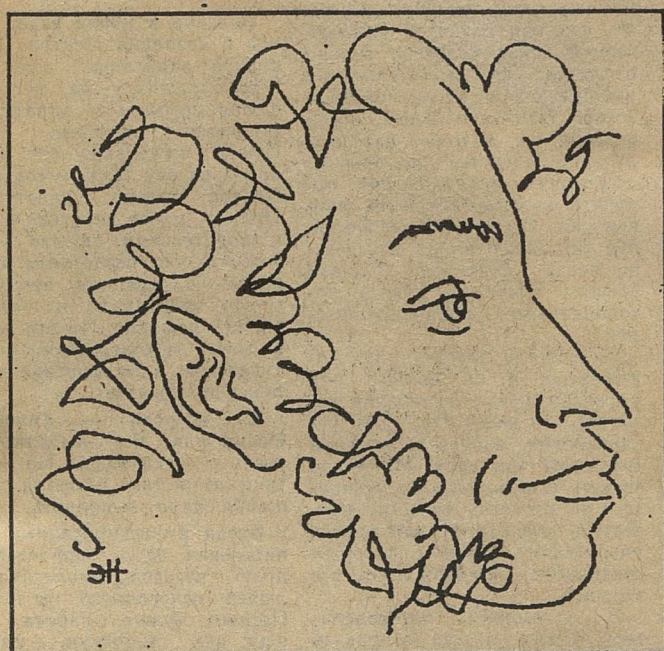

Сегодня — день рождения Александра Сергеевича ПУШКИНА

ЭТО, НАВЕРНОЕ, действительно странно, но некто Александр Пушкин — своеобразная и вполне неоднозначная фигура старой русской культуры — сегодня интересен и важен для нас более чем для своих современников, а само его имя — настоящий национальный символ России, и потому любая, даже самая некруглая, как сегодня, например, годовщина его рождения — повод для неперемennого торжества, отмечаемого по всей стране. Ну не анахронизм ли?

Отнюдь. Божией волею Пушкин оказался для потомков не только писателем, не только автором собственных книг — его творчество, да и сама судьба стали одним из важнейших

оплотов мощной культурной традиции и основанием для всей современной русской культуры. Пушкин — одно из немногих явлений нашей жизни, способных примирять противников и соединять несоединимое, и это также делает его фигуру весьма актуальной.

Отечественные авторы хорошо осознали и многократно отобразили значение Пушкина во множестве литературных и философских сочинений. Сегодня, в день очередной пушкинской годовщины, мы печатаем фрагменты очерка одного из крупнейших зарубежных русских философов и религиозных публицистов — протопресвитера Александра Шмемана.

Отец Александр подготовил

этот текст для цикла радиопередач «Основы русской культуры». Прозвучавшая в эфире в семидесятые годы, эта радиобеседа осталась практически неизвестной советской аудитории — была «забита» гзбистскими глушилками. Но сегодня, когда автора уже нет в живых, мы можем наконец прислушаться к его размышлениям о смысле пушкинского феномена для современности и сравнить их с собственными мыслями об этом.

Текст беседы протопр. Шмемана печатается по публикации в парижском журнале «Вестник Русского христианского движения» с значительными сокращениями.

● Э. Х. Насибулин. Пушкин, 1976.

«ПУШКИН—ЭТО НАШЕ ВСЕ»

Самый — Санкт-Петербург — 1992 — 6 июня

«Пушкин — это наше все», — мы привыкли к такого рода формулам, и Пушкин для нас так очевидно — вершина русской классики, что мы даже редко задумываемся, что это за «все», выражением и воплощением чего является Пушкин. Пушкина одинаково признали своим «правые» и «левые», задолго до революции, консерваторы и либералы, а после революции — и сторонники ее, и ее противники. Все ссылаются на Пушкина, все считают его выразителем своего мироощущения, всем он, очевидно, в равной мере близок, понятен и дорог, и с этой точки зрения ни один другой русский писатель равняться с ним не может. Это делает Пушкина действительно основой и мерилом русской культуры. Но это же требует и усилия понять: что же это за явление, почему Пушкин возвышается над всеми русскими привычными разделениями и страстями?

Упрощенно на этот вопрос можно ответить так: Пушкин был, может быть, единственным русским писателем, который не усомнился в «нужности» культуры и не искал ни оправданий ее, ни обвинений. Он не был подвержен тому разъедающему, глубинному сомнению, которое вошло в нашу культуру сразу же после его смерти.

Конечно, и до Пушкина, и после Пушкина в России были писатели, которые не сомневались ни в себе и ни в чем другом и добросовестно

писавшие стихи, романы и другие литературные произведения. Например, давно забытый Боборыкин, говорят, однажды сказал Толстому, посоветовавшему, что ему не пишется: «А я, наоборот, пишу много и хорошо». Но разница между Боборыкиным и Пушкиным, — само это сопоставление уже смешно, — не только в том, что Пушкин был гений, а Боборыкин — посредственность, а еще и в том, что Пушкин отлично знал и создавал границы культуры, о которых Боборыкин не имел понятия. Иначе говоря, принятие Пушкиным культуры и творчество в ней до конца и всерьез было плодом не святого неведения, как у Боборыкина, а сознательного и зрячего знания и понимания. И классицизм, с этой точки зрения, можно определить как прежде всего знание искусством, творчеством, культурой своих границ и даже своей ограниченности. Классицизм, так сказать, по самой своей природе скромный, так как творцы его знают, что искусство не может заменить ни религию, ни политику, ни другие области и что оно есть сфера человеческой деятельности, — сфера, исполняющая свою функцию как раз в ту меру, в какую она не претендует ни заменять другие сферы, ни пытаться сливаться с собой.

Пушкин никогда не мог бы сказать так, как сказал Брюсов, что «быть может, все в жизни лишь средство для ярко певучих стихов». С другой

стороны, вряд ли он понял бы и одобрил то, что Гоголь, во имя религии, сжег часть рукописи «Мертвых душ». Вместе с тем у Пушкина было очень высокое представление о поэте: «Ты царь, живи один...», «Ты сам свой вышедший суд...», «Глаголом жг сердца людей». Пушкин сознавал и пророческое, и религиозное, и политическое «служение» искусства, он был далек от какой бы то ни было теории «искусства для искусства» или же ухода поэта в башню из слоновой кости; но он всегда твердо знал, что исполнить все эти «служения» искусство может только, будучи и оставаясь самим собой. А это значит — подчиняясь своим собственным и непреложным законам, не претендуя ни на какое «самозванство» в областях, к нему не относящихся. Всей своей жизнью, всем своим творчеством Пушкин словно предложил русской культуре быть, прежде всего и превыше всего, самой собой, но тем самым и исполнять свое служение России. Но понятие «быть самой собой» для Пушкина включало в себя не только техническое совершенство, а и воплощение опыта России (...). Можно сказать даже больше: воплощение самой России. Ибо функция культуры и есть прежде всего функция воплощения того, что иначе осталось бы невоплощенным или недо воплощенным.

Может быть, никто так остро, так ясно, как именно Пушкин, не осознал невоплощенность России, ее опыта, ее

«самосознания», а также и задачи русской культуры, как прежде всего их «воплощения». В набросках Пушкина, в его записках, дневниках можно проследить как бы целую программу создания национальной культуры, — и творчество его является, вне всякого сомнения, первым целостным «воплощением» России — не частичным, а именно целостным. Он первый словно увидел ее всю, тогда как до него и после него ее видели, любили, утверждали и отрицали «по частям», следуя частным, отдельным идеологиям и увлечениям. И Пушкин не только увидел и почувствовал всю Россию; он увидел и указал в этом «все» и соотношение отдельных частей, их внутреннюю иерархию, их место.

Пушкин — это наше «все» потому, что в известном смысле он «создал» Россию, которая, конечно, существовала и до него, но которую он воплотил в своем творчестве и тем самым как бы оформил и нам явил, показал. Пушкин видел и хрупкость этого «целого», подверженность его действию стихий, некоей природной России метели; чувствовал он ее и как бы вздернутой на дыбы над бездной — и он твердо знал, что эту бездну необходимо заполнить культурой, которая только и может сохранить «целое» от распада и растворения в стихии. В его «целой» России оказалось место и Древней Руси, и Петровской империи, и Западу, и Востоку, и Татьяне Лариной, и Савельичу из «Ка-

питанской дочке», и государству, и свободе, и соборности, и усилению, и правам личности, и прошлому, и настоящему, и будущему. И вертикальному религиозному измерению, и горизонтальному — культурно-историческому. И важно понять и почувствовать, что такой «целой» и «целостной» России не было ни до него, ни после него. Пушкин, один во всей истории русской культуры, целиком принимал и утверждал ее, в нем ничего нет от отрицания и отвержения культуры, чем часто старается определять себя русский человек.

Поэтому Пушкин, его творчество, и есть «воплощение» основ русской культуры, поэтому и измеряется она изнутри Пушкиным, хотя у нас были писатели и творцы даже «глубже» его, были пророки и вещатели, обитатели как неба, так и преисподней. Трагедия же русской культуры, трагедия в греческом, значительном смысле этого слова — в том, что она в этой «целостности» за Пушкиным не последовала. И не последовала прежде всего как раз в его «классицизме». Пушкин хотел строить культуру, веря и зная, что в ней воплощается Россия. Русская культура после Пушкина захотела строить саму жизнь, спасение души и мира, обновление общества... В этом и ее величие, и ее трагедия.

Протопр.
Александр ШМЕАН